

Вырезка из газеты
ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ

№ 1 МАИ 1989

г. Москва

АВТОГРАФЫ ШОСТАКОВИЧА

Почему не осуществился интересный творческий замысел великого композитора.

ХОРОШО помню, какой резонанс вызвало появление на страницах зарайской газеты «За новую жизнь» статьи академика Д. С. Лихачева. Знаток культуры Древней Руси, прекрасный специалист по фольклору, он специально для наших земляков написал статью «Памятник древнерусской культуры». Дмитрий Сергеевич напомнил о забытой странице истории зарайского края: создании в местном Никольском храме выдающегося памятника национальной культуры — «Повести о разорении Рязани Батыем».

Статья Лихачева разбудила во многих интерес к истории. Жители стали выступать в газете на ежемесячной полосе «Наш край зарайский», рассказывать о замечательных земляках, знаменательных событиях, вехах в жизни их края. Читатели, перефразируя известное творение Нестора — летописца, стали понимать, «откуда есть пошла Зарайская земля».

Ученый помог увидеть причину популярности и неубывающего интереса к древним текстам «Повести», вошедшим во многие отечественные сборники, переведенным на десятки языков мира. Из текста прекрасного памятника древнерусского творчества, словно из чистого колодца, черпали вдохновение Н. М. Языков и Д. В. Вeneвитинов, Л. А. Мей и С. А. Есенин, В. Г. Ян и П. А. Радимов. Подвиги героев «Повести» оживали на полотнах художников и в барельефах ваятелей.

И возникал вопрос: почему «Повесть о разорении Рязани Батыем» ни разу не привлекла внимания композиторов? Ведь средствами музыки можно было бы по-новому раскрыть подвиги русичей в борьбе с захватчиками. И кто из современных композиторов может подняться до вершин бессмертного произведения отечественной литературы? Думая о возможном авторе такого произведения, невольно вспоминалось о двух композиторах — Андрее Петрове и Дмитрии Шостаковиче.

И все-таки для Шостаковича, считал я, эта тема ближе. Он не раз выступал достойнейшим музыкальным летописцем, умел рассказать музыкой о великих событиях, которыми жила наша Родина. Дмитрию Дмитриевичу было подвластно выразить состояние души народа и в часы суровых испытаний, и в минуты всенародного ликования.

В октябре 1967 года я решил отправить композитору письмо. В нем-то я попытался увлечь Шостаковича темой подвига героев «Повести о разорении Рязани Батыем», зарайских князей, былинного богатыря Евпатия Коловрата. В конце письма сделал приписку: если тема композитору не подходит, то пусть Дмитрий Дмитриевич подскажет ее кому-либо из коллег.

В суете журналистских и домашних дел я стал уже забывать об отправленном письме. Как вдруг однажды вечером почтальон вместе с пачкой газет вручил мне внешне неприметную стандартную открытку. Бросив взгляд на незнакомый почерк, я отложил открытку в сторону. Надо вначале ознакомиться с новостями, которые предлагают газеты. Но когда очередь дошла до открытки, я взглянул на обратный адрес и увидел: Москва, Шостакович...

В спешке и волнении с трудом осмысливал содержание текста: торопливый, неровный почерк, непонятные окончания, то и дело меняющийся наклон букв. Много лет спустя я узнал, что в конце жизни у Дмит-

рия Дмитриевича плохо двигалась правая рука и композитор, мучительно преодолевая недуг, выучился писать левой рукой.

Видимо, к тому периоду и относится адресованная в Зарайск открытка:

«19.X.1967. Москва.

Уважаемый Владимир Иванович!

Я сейчас лежу со сломанной ногой в больнице. Вернусь в строй не раньше конца ноября — начала декабря.

По выздоровлении займусь своими очередными делами. Поэтому я в ближайшие годы не смогу заняться вашей темой. Хотя это было бы и очень интересно.

С лучшим пожеланием.
Д. ШОСТАКОВИЧ».

Несколько позже я понял смысл фразы: «По выздоровлении займусь своими очередными делами». Отдаваясь общественной деятельности (он возглавлял Союз композиторов РСФСР, оставался секретарем правления Союза композиторов СССР и председательствовал в Обществе Советский Союз — Австрия), Шостакович работал тогда над Четырнадцатой симфонией. А спустя некоторое время — и над партитурой Пятнадцатой. Он торопливо набрасывал непослушной левой рукой нотные знаки своего последнего вокального сочинения на стихи Микеланджело «Бессмертие».

Из последующей переписки я понял, что Дмитрий Дмитриевич уже не сможет преодолеть путь от Москвы до Зарайска. Поэтому я решил подготовить фотоальбом, где бы по старым и современным снимкам композитор мог живо представить неповторимую красоту города, ощутить дыхание истории. Тогда же я взялся и за работу над барельефом Шостаковича.

МНОГОЭТАЖНЫЙ дом на улице Неждановой в Москве я отыскал быстро. Нажал кнопку звонка и подумал: сейчас передо мной на пороге предстанет великий композитор. А говорить-то мне, собственно, и нечего — все, что необходимо, уже сказано в письмах. Почти неслышно лягнул ключ, и дверь открыла пожилая женщина в фартуке. На мой вопрос, можно ли повидать Дмитрия Дмитриевича, она ответила:

— Его нет дома, он за городом. Ведь он болеет...

О болезни я уже знал. Пожелав ему скорого выздоровления, я обратился к женщине с просьбой передать Шостаковичу альбом «Зарайск».

— Обязательно передам, — пообещала она. — Дмитрий Дмитриевич должен вернуться в Москву дня через три-четыре.

На протяжении последующих четырех лет я довольно регулярно (вероятно, и навязчиво) продолжал отправлять по адресу композитора все поэтические и прозаические произведения, где так или иначе раскрывалась эпоха татаро-монгольского ига, — книги, путеводители. И, конечно же, газетные страницы «Наш край зарайский». Каждый раз не забывал пригласить Шостаковича в наш город.

Однако 2 сентября 1969 года Дмитрий Дмитриевич написал: «Благодарю вас за приглашение, но состояние моего здоровья, к сожалению, не позволяет мне приехать к вам».

Это было последнее письмо Шостаковича, адресованное в Зарайск. Через шесть лет великого композитора не стало. И тема противостояния русского народа татаро-монгольскому владычеству, которой он в свое время интересовался, так и осталась неосуществленной.

В. ПОЛЯНЧЕВ.

г. Зарайск.

258